

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ПУЛЯ В ПОДАРОК

Максим Шахов

Пуля в подарок

«ЭКСМО»

2011

Шахов М. А.

Пуля в подарок / М. А. Шахов — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52644-4

Война в Чечне. У командира разведроты капитана Артема Тарасова свои давние счеты с террористом Умаром. Они уже не раз схлестывались в кровавых схватках. На этот раз судьба не улыбнулась капитану: в результате жаркого боя спецназовец попадает в плен к Умару. Офицеру удается бежать, попутно уничтожив еще нескольких боевиков. Умар в ярости. В отместку чеченец отдает приказ убить подругу капитана Марину. Артем объявляет террориста своим кровником и клянется уничтожить бандита. А не выполнять свои обещания не в правилах капитана...

ISBN 978-5-699-52644-4

© Шахов М. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Максим Шахов

Пуля в подарок

Глава первая

Очень ограниченный контингент

Из открытой двери соседнего купе вырывались клубы табачного дыма. Густой мат бил автоматными очередями. Положив тяжелые голые локти на стол, здоровый лоб в тельняшке, с наколотым на плече парашютом, нетрезво базарил, постукивая раскрытым ножом по опорожненной рюмке и резиново двигая слюнявым ртом:

– Комбат дает команду: сержант Епишев, давай!.. Я говорю: пацаны, не спешите! И короткими перебежками через двор... Дверь с ноги – бах! Очередь в пол – та-та-тах, та-та-тах! «Всем лежать! Морды в пол!» – вдохновенно проорал лоб и, нахмурясь, поднял полупустую бутылку, встряхнул, добавив: – Да, братан, все сержант Епишев сделал тогда, как надо!..

В пьяном исполнении «Епишев» звучало как «Ебишев». Лоб в тельняшке смачно закурил.

Сидящий напротив нетрезвый шатен, уже изрядно набравшись, послушно кивал в такт словам. Зазвенело стекло: остатки водки потекли в чайные стаканы. Поезд поколачивало на стыках. Третий пассажир – чернявый кавказский паренек, забившись в угол, опасливо поглядывал в сторону пьяных попутчиков.

– Вот эти, мля, чернозадые, всю кашу заварили! – Толстый палец сержанта указал в сторону чернявого паренька. – Но сержант Епишев стоит на страже Родины!..

Кавказец молчал.

Лоб поморщился, уставился на паренька, словно желая сжечь того взглядом.

– Я че-то не понял, пацан, – протянул сержант. – Ты воздушный десант не уважаешь, или как?!

Паренек вжался в перегородку: ему хотелось убежать из накуренного купе, но, похоже, национальная гордость не позволяла.

– Ну? – поощрительно произнес лоб и, покачнувшись, угодил пальцами в закуску; оглядел испачканную ладонь, вытер об тельняшку. – Ну?!

На пороге, заслонив тусклый свет из прохода, встал стройный, коротко стриженный пассажир в тренировочном костюме. Несколько секунд он оценивал ситуацию, потом сделал шаг вперед.

– Сержант Епишев, была команда отбой, – внушительно проговорил вошедший, нависая над столиком.

Лоб поднял белесые глаза и тут же опустил, приподнялся и вдруг гаркнул на своего вяло кивающего собутыльника:

– Отбой была команда! Не понял, боец?!

Еще раз зыркнув на стоящего в дверях человека в тренировочном костюме, сержант Епишев неуклюже полез на свою полку, распространяя суровый запах свежего перегара и несвежих носков.

Артем вернулся в свое купе по соседству и, не слушая кряхтенье потревоженного старичка, с которым катил от самой Москвы, забрался на верхнюю полку. За окном летали вверх-вниз провисшие нитки проводов. Прохладный ветер посвистывал в приспущенном окне.

Этот отпуск был необычным. Свои законные две недели капитан Тарасов решил провести не у матери под Рязанью, а у брата в Ростове-на-Дону. Четыре года брата не видел – надо и совесть иметь. Еще три часа, и рассветет, а там – здравствуй, Ростов-папа!

Поезд опоздал на час, и Тарасов-младший весь изъерзался на водительском сиденье «Самары». Ему хотелось увидеть брата, но еще больше он ждал встречи с Мариной, которую нужно было забрать из гостиницы.

«Приехала все-таки из своей Чечни! – радовался Тарасов-младший и тут же печалился: – И надо же – все в один день... Сыграем свадьбу, так хрен она у меня дальше Краснодара поедет. Авантюристка...»

Марина появилась через двадцать минут, дерганая и с сигаретой во рту. Поцелуй вышел суховато-сдержанным.

Артем вышел из вагона на станции «Ростов-главный». Мимо, закинув рюкзак за плечо, протопал тяжелыми ботинками давешний сержант. Он даже не взглянул на офицера, который уgomонил его минувшей ночью. Прошли пассажиры и пассажирки, волоча сумки на колесиках. Голубое на белом – новое здание вокзала – радовало глаз. Многоэтажное пирожное вокзального здания высилось над головой, маня огромным циферблатом.

Тарасов прошелся по просторной автостоянке, ища глазами «Жигули» брата. Да вот же они!

Гостя города тоже заметили.

– Братишка! – Тарасов-младший прижимал Артема к груди, заглядывая тому в глаза. – Ты что ж, братишка, так редко ездишь? Тут все соскучились...

Младший брат был похож на старшего – такой же коренастый и невысокий, с простым русским лицом, только вместо тугих мускулов Тарасов-младший был наполнен розовым жирком.

– Ладно, Миша, чаще буду ездить, а то ведь задушишь! – Артем похлопал брата по спине и отстранился. – Ну, показывай красавицу свою! Свадьба скоро?

Миша зарделся и указал в сторону машины.

– Да вот она сама идет!

Марина, рыжая чертовка лет двадцати, выпрыгнула из «Жигулей» и, быстро одолев пространство автостоянки, повисла на шее Артема.

– Привет, – сдувая с лица ее волосы, пахнувшие табачным дымом, сказал тот.

Девушка отступила на шаг, положив руку на плечо Тарасову-младшему.

– Ты журналистка, Миша говорил? – поинтересовался Артем.

– А то! – задорно ответила Марина.

– Какие репортажи делаешь?

– Военные, – тряхнула челкой Марина.

– Так мир на дворе, вроде...

– Любой мир – преддверие войны, – явно повторяя чьи-то умные слова, выпалила девушка.

– И много репортажей наделала?

– Ее ролик два дня назад НТВ показывало, – слыша в голосе брата иронию, заступился за Марину Тарасов-младший. – Сказали: острый и актуальный...

– Ну да, недавно в Сунже останки армейского «газика» нашли, а в нем два скелета и сто «калашей». Деревянные части подгнили, а железо целехонько – почисти и стреляй, – пояснила Марина. – Эхо последней войны... Вот про это и снимала.

– В Грозном была? – покачал головой Артем. – За военные репортажи, вообще-то, могут больно отшлепать – и свои, и чужие, заметь! Это мне опыт подсказывает...

Девушка пожала плечами.

– Мне уже угрожали, – сказала она просто.

– Пойдемте в машину! Хватит посреди дороги стоять, в самом деле, – всполошился Миша.

«Знакомая история, – размещаясь на заднем сиденье братниных «Жигулей», подумал Артем. – Везли ушлые прапоры чеченцам автоматы на продажу, а те их грохнули; тут федералы подоспели, боевики «газик» с грузом в Сунжу спихнули по-быстрому... Коммерческая война... Но рисковала девочка серьезно».

Через час они сидели за грубо сколоченным столиком в частном доме на окраине Ростова. Артем дивился тому, как многочисленные, хотя и дальние родственники налегают на спиртное: по масштабам выпитого они явно давали фору офицерам тарасовского спецбатальона «Гамма». Шахтеры, торговцы, ителлигенты, разношерстная разновозрастная живность с женами, сестрами и молодняком – все это был род Тарасовых, обитающий ныне по всей России, от Архангельска до предгорий Кавказа.

Марина дичилась незнакомого люда, постреливала глазами по сторонам и явно хотела поскорее убраться с родственной пирушки. Артем испытывал те же чувства. Стоя рядом, они молча курили на облезлой веранде, прислушиваясь к приглушенным взрывам голосов.

– Странный Миша, – сказала девушка. – Зачем меня сюда потащил? На смотрины, что ли? Так они пьяные все – смотреть-то некому...

– Миша хороший, – задумчиво проронил Артем. – Он надежный. С ним никакая баба не пропадет. Даже ты.

Девушка улыбнулась и пожала плечами.

Отдуваясь, на веранду вышел красный как вареный рак Тарасов-младший.

– Мариша, поедем уже, – сказал он нетвердым языком.

– Столбы будешь считать? – выстреливая бычок в заросли бузины, полюбопытствовал Артем.

– Ты, братик, не беспокойся! – замахал руками Тарасов-младший. – В лучшем виде... Я с ментами дружу. А ты во флигеле укладывайся, если уже напился-наелся...

Через пятнадцать минут, приняв на посошок еще рюмочку, Артем ушел во флигель и расположился на расхлябанной пружинной кровати. Еще несколько минут, и он, поразмышляв о разном, задремал.

Звонок мобильного заставил Тарасова дернуться и по привычке сунуть руку под подушку – пусто, ствола нет... «Тьфу, черт!» Артем стряхнул с себя остатки сна и, машинально отметив на дисплее мобильного время – он проспал сорок минут, – буркнул в трубку:

– Чего тебе, пьяница малолетний?

До него донесся взволнованный голос брата:

– Артем, Марина пропала!

– А что удивительного? – покачал головой Тарасов-старший. – Ты водки побольше жри да почаще гоняй пьяный за рулем – вообще ее не найдешь. Она девка серьезная...

– Ты не понял! – волновался Миша. – Ее увезли! Похитили!

Артем сориентировался быстро:

– Ты где сейчас?... Ага, понял: Береговая, пересечение с 29-й линией... Стой где стоишь. Еду к тебе...

Через двадцать минут Тарасов вышел из такси и, завидев Мишу, помахал рукой. Тот ни черта не видел: стоя на тротуаре у незаглушенной машины, он что-то свирепо орал в трубку мобильного. Останавливались любопытные, выслушивали несколько слов и топали дальше. Речная вода пускала солнечных зайчиков.

Артем хлопнул брата по плечу.

– Как это «в общем порядке»? Как это «ничего не известно»? – кричал Миша, и глаза его дико блуждали. – На машине, говорю, увезли! На машине!..

– Как произошло? – Тарасов-старший взял брата за плечи и повернул лицом к себе. – Что, друзья-менты неповоротливыми оказались?

Беглый осмотр окрестностей навел Артема на грустные мысли. Так вот – по 29-й линии – и пошла машина предполагаемых похитителей. В белый свет – ищи-свищи... Место-то бойкое. Ну да если это, конечно, похищение, а не пьяный братнин бред... Может, психанула девчонка и уехала с друзьями. Миша – он во хмелю тот еще фрукт, а Марина и трезвая – та еще ягодка...

– Я в магазин, понимаешь, за сигаретами вышел... машину поставил... не глушил даже... – частил ошалевший Миша. – Не успел, понимаешь...

– Как девчонка в той машине оказалась?

– Посадили ее туда, втолкнули... – хватаясь за голову, заголосил Тарасов-младший. – Как заложницу, понимаешь...

– Кричала?

– Ей рот... это... зажали...

– Черные?

– Да вроде наши... Немного чернявые только... ну, вроде дяди Коли Сатина...

– Свидетели?

– Может, видел кто, да вряд ли признается...

– Какая машина?

– Это я точно запомнил: белая «девятка», последние цифры номера – три и четыре.

Артем сунул руку в карман: сигареты он забыл во флигеле.

– И последний вопрос, Миша, – бросив в рот спичку, проговорил он. – Если ты все видел, то почему следом не поехал? На колесах ведь?

На потном лице Тарасова-младшего изобразилась мука. Он сжал губы и отвернулся, отрывисто бросив:

– Понимаешь, ей раньше угрожали... Я, братик, испугался очень. Я ж не военный, а так себе – индивидуальный предприниматель...

Артем жирно плюнул на асфальт.

– Давай ключи от машины, – сквозь зубы процедил он.

– Разобьешь ведь! – в отчаянии воскликнул Миша. – Ты всегда гонял как сумасшедший!

– Я че-то не понял: тебя машина интересует или Марина? – сердито спросил Артем, и Тарасов-младший тут же сдался – протянул на ладони ключи.

– У меня еще ствол имеется, – догоняя Артема, выпалил Миша.

– Какой?

– «Вольтран»... газовый... турецкий... хороший...

– Из хорошего турецкого сам стреляй, – Тарасов-старший уселся на водительское место и захлопнул дверцу. – Когда менты приедут, базарь с ними поменьше. Толку от них...

Миша вертел в руках свой мобильник, виновато поглядывая на брата.

– Да, забыл кое-что, – повернул голову Артем. – Если бы ты мне не родственник был, я бы так сказал: поступил ты, как гнида, Миша...

Взвизгнув протекторами, «Жигули» помчались по 29-й линии.

Артем пил на гулянке умеренно, и сейчас вместо похмелья его переполняла сухая злость. На Кавказе и в его окрестностях воцарился мир, и в этом была и его, капитана Тарасова, известная заслуга. Но снова кто-то не спит ночами, замышляя теракты и похищения, и снова древняя земля готова обогреться кровью невинных жертв.

«Жигули» подрезали возмущенно гудящий шикарный «Лексус» и, пролетев на красный свет, углубились в город.

«Вот так приехал в отпуск, – думал Артем. – Что делать – непонятно... Менты пока раскачаются... СБ местную, что ли, напрямь через Москву? Да поди еще дозвонишься с мобильного до нужных людей... Это тебе не база батальона с проводной оперативной связью».

Запиликал мобильный. Тарасов-младший на связи.

– Ну? – буркнул в трубку Артем.

– Менты видели ту «девятку» на выезде из города... по шоссе «Дон» вроде пошла. Она в угоне натурально числится. Мне сразу позвонили, – доложил Миша. – Ну как там у тебя, братик? Машинка моя тянет пока?

– Нормально все, – ответил Артем и отключил телефон.

«Есть все-таки прок и от гибэдэдэшников! – подумал он, разворачивая машину. – На юго-восток они рвутся. Значит, точно похищение – торопятся вывезти подальше... Попала Марина конкретно. Пока менты раскачаются да с ГИБДД свяжутся, чертова прорва времени уйдет...»

Повилив по городу и повторив правильную геометрию ростовских улиц, «Жигули» с Артемом за рулем повернули к выезду на трассу. Постовой ГИБДД вяло махнул полосатым жезлом. Первой мыслью Тарасова было ударить по газам и продолжить путь, но тут ему в голову вдруг пришло другое решение.

Артем притормозил и вышел из машины.

– Слушай, тут такое дело, – протягивая загорелому сержанту офицерскую книжку, проговорил Тарасов. – С девушкой поссорились, а она уехала. Догоняю вот – хочу извиниться. На белой «девятке» уехала...

– Случается, – кивнул постовой, изучая необычный документ. – Были такие нарушители – ВАЗ-2109, регистрационный номер 634 вроде, серию не запомнил – рулили слишком быстро. Они на жезл не остановились. Я данные посту на сороковой километр передал. Там и встретитесь – если не свернут, конечно...

– А поворот далеко?

– Километров пятнадцать. Увидите, товарищ капитан: налево грунтовка уходит... Только что им там делать?

– Спасибо! – усаживаясь за руль, крикнул Артем. – Если с девушкой помирюсь, с меня законная бутылка, сержант!

Гибэдэдэшник махнул рукой. Права он так и не спросил.

Добыча была верткая и горячая. С Михася и Ореста сошло семь потов, пока им удалось утихомирить бьющуюся на заднем сиденье девчонку. Легковушка дернулась несколько раз и наконец выровнялась. Приказ «не портить» заставлял боевиков быть мягкими, почти нежными: Марина получила единственный тупой удар в грудь и затихла, затиснутая между двумя крепкими парнями, бешено сверкая глазами. Ее рот был криво заклеен скотчем.

– Сучка, – отирая с ладоней губную помаду, буркнул Орест. – Надо было шокером ее приложить.

– Как из города выкатимся, надо будет в посадку на полчаса заехать, – закуривая, проговорил Михась. – Она пока ерзала, у меня аж встал. Костлявая красотка, конечно, но на войне как на войне...

Марина глухо взвыла, дернулась и тут же получила чувствительный тычок локтем в бок. Боевики говорили на западноукраинском диалекте, но понять смысл сказанного было несложно: уж очень масляная была у Михася физиономия.

– Ты приказ Умара плохо расслышал? – возразил Орест. – Он сделает так, что стоять нечему будет. И хлопцы у него серьезные...

– Да, наш полевой¹ – конкретный парень, – согласился Михась. – Тот еще вояка. Как его до сих пор не прищучили?

– Эй, бойцы, за постом на грунтовку нырять или как? – поинтересовался водитель, поволчьи зыряка по сторонам.

– Да, там «газик» от самого Умара нас должен ждать, – отозвался по-русски Орест. – Все как договорились: деньги получил, машину бензином облил – поджечь смотри не забудь! – и вали пешком, куда знаешь.

– Ну, блин, работенка! – промычал водитель и прибавил скорости.

Обогнали многотонную фуру, выскочили на встречную, распугав суетливые иномарки, взяли вправо...

– Готовься, сучка, – в самое ухо Марине сказал Михась. – В свободную республику Ичкерия скоро поедешь... Много денег друзьям-приятелям собрать придется, чтобы жопу твою в целости получить. И все остальное тоже...

Девушка глухо замычала: похоже, она материлась.

– Ты бога, бога вспомни, паскуда! – наставительно заметил Орест. – Ну дела! Хоть москаль, хоть московка – не переделаешь. Чуть что – матом загибает! Слушать тошно...

– Через два километра – пост ГИБДД, – доложил водитель.

– Интересно, за журналисткой погоню уже выслали? – извлекая из сумки пистолет и осматривая его, сказал Михась.

– Жди! – возразил Орест. – Разве что случайно...

Обогнули яично-желтый микроавтобус. Блеснул капот криво припаркованной на обочине ментовской легковушки. Сержант со сбитым на затылок кепи махнул жезлом.

– Да пошел ты!.. – гаркнул водитель, обойдя гибэдэдэшника и едва не столкнувшись с идущим в левом ряду «Ланосом».

Истерично просигналили вслед. Ментовская машина осталась на месте.

– Видишь, все сходится, – заметил Орест, вкладывая свой ствол в наплечную кобуру. – Мирное время – все расслабились...

– Расслабишься тут! – фыркнул водитель. – А если вертолеты?

Марина попробовала глянуть в окошко, но тут же получила хлесткую пощечину: ее оберегали от лишних впечатлений.

– Крути свой бублик и не трави душу! – прикрикнул Михась.

«Девятка», мерцая левым поворотом, застыла на осевой. Прогудел рейсовый автобус, за ним глыбой черного гранита прошуршал драгоценный «Мерседес», и трасса очистилась.

Нырнув колесами в выбоину, «девятка» выбралась на незаметную дорогу, уходящую наискось от трассы «Дон», и покатила между редкими деревцами, неистово пыля всеми четырьмя стертыми шинами.

Артему показалось, что прошла вечность, прежде чем его «Жигули» домчали до поворота. Он вывернул руль влево и, даже не взглянув в сторону возмущенно сигналившего грузовика, оказался по оси в желтой жирной пыли.

Чтобы осмотреться, Артем осторожно въехал под прикрытие каких-то колючих кустов, вышел из машины и, пригибаясь, пробежал метров пятьдесят. Свежие следы протекторов в пыли. Дорожка тут узкая – не свернуть. Неужели тупиком заканчивается?

«О-па-па, ребята, а я вас знаю!»

Та самая «девятка» стояла на круглом пустыре, а напротив зеленел бэушный армейский «газик». Вот и крутые ребята там шевелятся... Тарасов заметил двух боевиков – тех, которые привезли заложницу. Их встречали трое на «газике» – черные. Еще водитель белой «девятки»

---

¹ Полевой – сокращение от «полевой командир» (жарг.).

с проржавелым местами корпусом. Но он, видно, здесь не при делах: стоит в сторонке и деньги считает – мусолит палец и листает зелень. Неплохо заработал...

Да, таких суровых горских лиц Артем навиделся немало. В прорезь прицела они не кажутся такими уж крутыми. А эти, на «девятке», непонятные, факт... Наши, что ли? Ну не чичи – стопудово...

«Только какого черта здесь делает вторая машина?! А-а-а, видать, чичи свежий товар принимать приехали...»

Запомнить номера «газика» и передать куда следует? Так бы братик Миша поступил. Только не выйдет – Артем уже показал гонор, так что отступления себе уже не простил бы. Риск – благородное дело, хотя и опасное... Хуже будет, если менты сейчас подоспеют – без перестрелки не обойдется, а какие из ментов снайперы? Только под ментовскую пулю подставиться не хватало...

Тарасов бегом вернулся к «Жигулям» и тронулся с места.

«Буду косить под заплутавшего частника, – решил Артем. – Вряд ли бойцы, которые Маришку брали, хорошо запомнили Мишину машину...»

Теперь «Жигули» резко сбавили ход. Машину стало видно с пустыря, где стояли лоб в лоб «девятка» и «газик», копошились боевики.

Мелькнула тонкая женская фигура, и тут же ее заслонили крепкие мужские плечи. Бойцы смотрели в сторону виляющих по проселку бестолковых «Жигулей» и пока агрессивных намерений не выказывали. Они ошалело взирали на нахальный «Жигуль», явно направляющийся в их сторону.

«Вернусь из отпуска – сразу за ум возьмусь, – думал Артем. – Квартиру в Химках через комбата наконец выбью – хватит по общагам мотаться!.. Жену заведу – большую такую, с тяжелой грудью и добрыми глазами... Дети-кроватки-пеленки-колесики... Если вернусь, конечно. Братские проблемы...»

Это здорово отвлекало, но в висках все равно гвоздила настырная мысль: «Как брать эту вооруженную кодлу? Как Марину живьем достать? Они ее уже в «газик» сунули – да, вон сзади дверку прикрывают, а на дверке запаска висит, как положено... в багажник погрузили... оперативненько...»

Один из кавказцев кивнул, и его товарищи разошлись в стороны, держа руки в карманах легких курток. Легкое движение – и чичи опытной рукой расстреляют «Жигули», как в тире. Только нет им пока резона шмалять: видно, что человек в машине один и, похоже, чайничек...

«А теперь фокус-покус – подержанная машина заглохла!» – сказал себе Тарасов и выдержал ключ зажигания. «Жигули» встали, будто наткнувшись на невидимую преграду.

Артем, сдержанно матерясь, полез из кабины.

За ним продолжали пристально наблюдать.

Импровизируя, Тарасов для верности выматерился еще раз, погромче, и пнул кроссовком колесо «Жигулей».

– Вали отсюда! – хрипло крикнул один из кавказцев. – Что тебе надо?!

Артем вразвалку топал к машинам, разводя при этом руками и идиотски ухмыляясь.

– Пацаны, извините, в натуре! – прокричал он. – Я тут Сосновку искал. Сказали: налево с трассы... Есть тут Сосновка? Знаете такую?

Кавказцы переглянулись. Странный субъект приближался.

Тарасову оставалось пройти неполных десять шагов...

– Эта сука глохнет, как по нотам! Три раза на дню, – дружелюбно продолжал Артем, широким жестом указывая на «Жигули» и продолжая держать руки на виду. – У меня и трос есть... Дернете, а, пацаны? Подмогнете? По братской-то силе, а?

Ситуация и вправду была идиотская. У этих шестерых пять стволов точно в наличии. Может, еще автоматы в машинах... «Действия ограниченного контингента войск на открытой местности»...

Кавказцы снова переглянулись. Один, не скрываясь, потянулся волосатой рукой к подмышке, где явственно проглядывала желтая потертая кожа кобуры. Место безлюдное, но осложнения им ни к чему... Выстрелы обязательно будут слышны с трассы.

– Остановись! – каркнул боевик, тот самый, что оглаживал кобуру.

– Чего? – сделал Артем непонимающее лицо и продолжал топтать. – Пацаны, ну такое дело... Бывает...

«Шаг, еще один, и еще... легкой походкой, слегка усталой... И лицо, держи лицо, капитан! Сделай мягче морду, Тема! Морду как можно мягче... вот так... нормально... Смотреть только в глаза... чистый невинный взгляд... Вчера похмелье, сегодня машина заглохла, кол-лега по бизнесу опять проставил – тяжелая у частника жизнь, ребята...»

И в мгновение ока все вокруг каруселью рванулось с места.

По движению кисти тяжелолицего кавказца Артем определил: кобура расстегнута. Ствол пополз наружу. Остальные боевики с любопытством глядели на старшего, который явно намеревался пристрелить заплутавшего придурка...

Труднее всего капитану Тарасову далось выражение искреннего удивления на лице. Когда зрачок пистолетного ствола глянул ему в лицо, Артем резко наклонился и метнулся вперед, под ноги боевику. Тот среагировал с опозданием: выстрел прогремел над головой Тарасова. Артем захватил вооруженную руку и, выполнив «рычаг», швырнул противника на жухлую траву. Боковым зрением он отметил, что два боевика на флангах схватились за оружие.

– Бля-а! – заревел совершенно по-русски поверженный кавказец.

Артем перехватил ствол, приложился коленом в кадык лежащему и открыл беглый огонь, вертясь на месте, как юла. Ближний боевик скovyрнулся первым и, похоже, в реанимации не нуждался. Второй, перебегая к машине, выстрелил трижды – и попал. Тарасов почувствовал тугой толчок в ногу и, извернувшись, послал пулю точно в корпус стрелявшему. Не имея времени оценить результат выстрела, стрельнул в голову рычащему на земле боевику со сломанной рукой и упал на живот: пятки вместе, носки врозь.

Боли не было. «Черт, пуля полподошвы отхватила, – успел подумать Тарасов. – Свезло...»

Как глупо они побежали! Водитель «девятки» ринулся было к машине, но остановился, втянул голову в плечи и дикими прыжками помчался вперед, путаясь в жестких кустиках чобра. Двое оставшихся в живых зигзагами рванули по поляне, нацеливаясь на грязно-зеленую лесополосу, торчащую метрах в двухстах. Три мишени расползались прямо перед Артемом, грозя вот-вот оказаться вне пределов досягаемости.

Тарасов вскочил, подхватил воткнувшуюся стволом в грунт «беретту» и побежал следом. На то, чтобы искать в «газике» предполагаемый «калашников», времени не было. Тарасов обогнул «девятку» и, действуя почти автоматически, изготовился к стрельбе по подвижным мишеням.

Вильнула у самой кромки лесополосы спина в полосатой футболке, украшенная потным пятном между лопаток. В это пятно Артем и послал первую пулю. Коротко взмахнув руками, боевик упал. Следующую пулю Тарасов всадил в бедро второму беглецу, и пока тот дергался, запутавшись в боли, страхе и кобуре, оказался рядом, глубоко вдавил в землю судорожно ползущую к рукоятке ствола кисть.

Водитель ушел – безнадежно. К чертовой матери водителя...

– Кто послал? – рявкнул Тарасов, выдирая ствол из скрюченных пальцев.

– У-у-умар... – провыл боевик. – Пусти, падла! Я сдаюсь!

– Я пленных не беру, – отозвался Артем и выстрелил в измазанный черным висок.

Длинная судорога прошла по телу боевика.

«Забыл спросить, чьих они были, – подумал Артем. – Ведь не чичи, да и вообще не кавказцы... Нашенские рожи... Землячки-наемники, что ли? Смугловаты для наших, только все равно не кавказцы – тех я на нюх чую... Только какая уже, в жопу, разница...»

Тарасов подбежал к «газику», распахнул заднюю дверь.

– Здорово, кавказская пленница! – Артем подхватил обмякшую Марину и бережно уложил на траву.

Первым делом он сорвал с лица девушки помутневший, измазанный губной помадой скотч, и та разревелась – мгновенно и в голос. Развязать веревочные узлы, прихватившие кисти и ступни Марины, было делом двух минут.

– За что?! – выла девушка, прижимая к щекам посиневшие запястья. – Сволочи какие! Сволочи!..

Не зная наперед Мариной устойчивости к истерике и не желая слушать бессмысленный, в сущности, бабий вой, Артем хлестнул девушку по щеке, склонился над ней:

– Идти можешь?

– Да, – кивнула Марина.

Ее взгляд становился осмысленным.

– А бежать? – оценив картину боя, поинтересовался Тарасов.

Девушка коротко кивнула.

– Кто стрелял? – оглядываясь, спросила Марина. – Ужас какой... Убитые...

– Кто стрелял, не в курсе... Давай, за мной, к машине – бегом! – скомандовал Артем.

Когда «Жигули» выехали на трассу, Тарасов, полуобернувшись, проговорил:

– Мое дело, конечно, сторона, только я тебе, родственница, посоветую: взяли тебя втемную, ничего не видела, ничего не помнишь, слышала выстрелы, потеряла сознание...

– Ты еще про «очнулся – гипс» вспомни! – попробовала пошутить дрожащая бледная Марина.

– Потеряла сознание, а когда очнулась, тебя вез какой-то частник, номеров не помнишь. Куда довез – тоже не помнишь... Усекла?

– Черт тебя знает, Артем, что ты за тип... – вдруг тихо проговорила девушка. – Конечно, я все поняла. Не такая уж я дура... А вообще-то, наверное, дура: умных баб в заложницы не берут – они сами мужиков в заложниках держат...

– Журналисту беречь себя надо. Про достижения разные писать, – заметил Тарасов, протягивая Марине сигарету. – Про то, как в Ярославле открыли новую школу, а не про оружие... Война – не женское дело...

Марина сердито фыркнула в ответ.

Глава вторая

Ловчая яма для спецназа

Здравый смысл кое-что подсказывал, и Тарасов решил прислушаться к его негромкому, но внятному голосу. Утром следующего дня он уже ехал в вагоне скорого поезда «Ростов-на-Дону – Москва».

«Вот те и отпуск! – мысленно качал головой Артем. – Еле ушел... Мишук, бедняга, так ничего не понял: откуда появилась Марина, почему у нее джинсы в солидоле, почему она его сразу матом обложила и домой уехала...»

Брат и в самом деле ничего не понял или сделал вид, что ничего не понимает. Тарасову-младшему было совестно за свою трусость: это Артем прочитал по глазам. Пусть свои проблемы сами решают. Наскоро попрощавшись с родственниками, Артем переобулся в Мишины туфли, а подстреленные кроссовки зашвырнул в кусты, за собачью будку. Купил в воинской кассе билет и уехал на вокзал за шесть часов до прибытия поезда. «Береженого бог бережет, – решил он. – Надо в «Шишкин лес» убираться и нос пока наружу не высовывать. Да и комбату стоит намекнуть на события – без подробностей, понятно...»

А подробности уже гуляли по стране, наскоро высосанные из пальца ушлыми журналистами. Раскручивалась преимущественно версия крупной бандитской разборки, имевшей место в окрестностях южной криминальной столицы России. Канал НТВ мяукнул было о навязшем в зубах «чеченском следе», но уже на следующий день мертвое молчание энтэвэшников насчет «ростовской бойни» больше не оставляло сомнений – работников «второй древнейшей» попросили не колебать попусту чистый воздух российского эфира.

От Москвы Артем добирался до «Шишкина леса» на метро до Домодедова, потом на попутке, а последние три километра проделал пешком. Вдали показался глухой забор с двумя рядами колючей проволоки поверху и будка КПП болотного цвета. Тарасов обогнул шлагбаум с «кирпичом», свернул на обсаженную редкими тополями асфальтированную дорожку, přátельски подмигнув в камеру наблюдения, скрытую среди листвы.

Боец в камуфляже кивнул Артему из-за стекла и принялся звонить. Через минуту из калитки, вделанной в массивные ворота, вынырнул лейтенант Тележников, тоже в камуфляже и с беретом под правым погоном. Нездешний загар на лейтенанте свидетельствовал о неплохо проведенном отпуске.

Тележников что-то сказал своему бойцу и вышел навстречу Тарасову.

– Здорово, курортник! – махнул рукой Артем. – Как отпуск?

Тележников криво улыбнулся в ответ.

– Да что ты кислый такой? – Тарасов ответил на рукопожатие. – Не понравилось за границей в качестве мирного туриста?

– Понравилось бы, – буркнул Тележников. – Если бы турки на границе не обокрали...

– Чего-чего?!

– Да дочка камешков морских насобирала в бутылку пластиковую, а на таможне: «Стоять, лицом к стене!» Оказывается, камешки эти – национальное турецкое достояние, мрамор какой-то, что ли...

– И?

– Тысячу двести зеленых штрафа отстегнул – слава богу, были с собой в заначке, – ответил лейтенант. – Вначале думал – шутят... Новые, мля, порядки – раньше такого не было!.. Кстати, вами, товарищ капитан, батя интересовался...

– Когда?

– Да вчера вечером... Говорит: надо бы нашему дорогому Тарасову позвонить, только не хочется ему отдых портить. И лицо суровое-суровое...

Артем хмыкнул и прошел в калитку. Сначала к батю – или к себе?

Мимо бодро протопал второй взвод в полном боевом снаряжении, нагруженный зелеными трубами гранатометов. Старший лейтенант Плужко деловито отмахивал рукой, идя рядом со строем, и его пшеничные усы по-кошачьи топорщились. Он кивнул Тарасову и дружески подмигнул из-под «сферы»². Бойцы направлялись на полигон.

Нет, все-таки сперва к батю...

У штаба, свесив ноги из кабины, курил водитель штабного «газика». Он посмотрел сквозь Артема и отвернулся, выпустив клуб дыма.

– Комбат у себя? – окликнул Тарасов торопливого толстого прапорщика с папкой под мышкой.

– Да, товарищ капитан, – на бегу осклабился тот. – Ему уже доложили с КПП.

– Разрешите, товарищ полковник? – Артем сунулся в кабинет. – Капитан Тарасов прибыл для дальнейшего прохождения воинской службы...

Мезенцев криво усмехнулся и показал кулак; потом толстый командирский палец помахивал Тарасова.

– Здорово... Ты в Ростове, говорят, отдыхал? – с порога поинтересовался Мезенцев.

– Так точно.

– Смотрим по телевизору новости, смотрим, – басовито протянул полковник, испытующе глядя на Тарасова. – Опасный город, говорят... Людей там стреляют почему зря... Ладно, про Ростов потом как-нибудь. Дело к тебе есть, Артем. Большое и серьезное. Я тебя хотел завтра из отпуска вызывать, а ты сам явился, как черт из духовки... Присаживайся.

Тарасов оглядел кабинет – ого! батя бронжилет недавно надевал: вон на диване валяется... с чего бы? – и приготовился слушать.

– Приказ Генштаба – сохранять особый режим секретности. Задание будете выполнять параллельно с другими спецслужбами... Деликатно, блин, выполнять! – начал с главного Мезенцев. – Заранее говорю: от выполнения основной части отказались крутые спецы ФСБ – они остаются в прикрытии и обеспечении... Знаешь, чем это пахнет, капитан?

Артем кивнул.

Лицо комбата просветлело: именно этого легкого, почти небрежного кивка он и ждал от своего офицера.

– Сейчас в стране мир, – продолжал Мезенцев, прохаживаясь по кабинету. – Поэтому пускать на объекты вертолеты, а по земле гнать танки мы не можем... Остается действовать по-нашенски.

Тарасов во все глаза глядел на сурового батю и радовался, что тот не лезет с расспросами. Догадался, небось, насчет Ростова, старый волчара...

– Собрался с мыслями? – спросил Мезенцев. – Вопросы? Пожелания? Предложения?

– Позвонить еще кое-кому осталось, – ответил Артем.

– Раньше не мог сообразить?... Ладно, валяй, звони!

Полковник грузно поднялся, кивнул в сторону телефонного аппарата на столе и вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь.

– Алька, здравствуй, – услышав ее голос в мобильном, сказал Артем. – Я вернулся из отпуска... Извини, но встретиться сегодня у нас не получится. Меня неожиданно руководство отозвало, так что я уже, считай, на работе.

– Да-а-а? – с неопределенной интонацией протянула девушка. – Бандитов ловить будешь?

---

² «Сфера» – каска сферической формы с пластиковым забралом; входит в оснащение бойцов ОМОНа и специальных армейских подразделений (*жарг.*).

– В общем, да... Срочно вызвали.

– Срочно так срочно... – проворчала Алька. – Будешь вдруг в Москве, звони.

И хулигански отключилась.

Вздыхнув, Тарасов положил трубку. Пару минут до возвращения Мезенцева он провел, тупо уставясь в полированную поверхность стола. «Когда вернусь, надо будет на Альке срочно жениться, – думал он. – А то пропадет ведь в этом безумном городе ни за грош...» И ему почему-то представилась потускневшая Алька, торгующая женским бельем в «Новинском пассаже».

– Справился?

Вошедший полковник был по-прежнему собран и сдержан. В другое время от отпустил бы соленую армейскую шуточку, глядя на растерянное лицо своего офицера. Мезенцев оценил печальный вид офицера и не стал интересоваться его успехами на личном фронте. Образуется...

– Артем, поедешь на юг... догадался уже? Так вот – поедешь на юг. Только не в свой Ростов, а поглубже. Вот твоё задание...

Полковник протянул Тарасову запечатанный конверт под сургучной печатью.

– У нас секретность в последнее время прихрамывает, так что вскроешь конверт уже в пункте предписания. По прочтении приступишь.

– Кто-нибудь еще командирован? – пряча конверт во внутренний карман куртки, поинтересовался Тарасов.

– Подберешь группу сам. Четыре человека – только сверхсрочники и прапорщики, понятное дело. Сегодня личный состав весь в расположении части, так что беготни за ними никакой не потребуется... Личные дела будешь смотреть?

– Нет. Я всех, кого надо, помню.

Мезенцев прошелся по кабинету, остановился у окна.

– Через час доложи, кого берешь – начштаба зафиксирует, командировку оформит...

– Сразу могу назвать: Михайлов, Мищенко, Кузнецов и Багратион... виноват, Чиковани, – перебил Артем.

Полковник кивнул, соглашаясь, и продолжал:

– Отправитесь порознь, в гражданской форме. Кто полетит до твоего Ростова, кто на поезде, кто на автобусе. Потом в Ханкалу – и далее согласно приказу...

«Выходит, не просто очень серьезное, а самое серьезное дело?» – вертелся на языке Артема неуместный вопрос, но он не стал его задавать. А оружие, снаряжение?..

– Оружие и снаряжение получите уже на месте, – угадав мысли Тарасова, сказал Мезенцев. – Придется обойтись минимумом – как в последнюю войну. Раций не получите: сейчас в эфире тихо, а значит, те, кому надо, эфир насквозь слушают...

Командир батальона замолчал: он явно сказал больше, чем следовало. Артем сделал вид, что ничего не услышал. А ведь фраза прозвучала важная: неспроста батя вторую чеченскую помянул...

– Ответы на остальные вопросы, я полагаю, в конверте? – поднялся Тарасов. – Разрешите идти, товарищ полковник?

– И последнее, – подумав, проговорил Мезенцев. – Возьми вот эту штучку...

Он сунул руку в ящик стола и протянул Артему старенький мобильник со стертыми клавишами.

– Спецсвязь, – пояснил полковник. – Говорить по нему нельзя. Отправляя эсэмэски: они через военный спутник связи пойдут, отследить невозможно. Код запомни: ноль-девять-ноль-пять-четыре-пять. Не ошибись – при наборе любых других цифр машинка мгновенно блокируется, так что сразу выбросить можно. Надеюсь, что не пригодится... Тебя, капитан, отправляем с большой надеждой, – витиевато закончил он. – Будь готов к тому, что в Ханкале тебе

будут мешать. Свои будут мешать, заметь! Но такова реальность. Слишком много противоположных интересов столкнулись на Кавказе...

– Нефтяные скважины Березовского, – вставил Артем.

– Верно, – кивнул полковник. – Те самые, которых не коснулся ни один снаряд... Был бы командиром артполка, мои пушкари бы неминуемо ошиблись! – Хозяин кабинета хлопнул ладонью по столу, будто муху убил. – Хотя раз, но ошиблись бы. Лично бы за этим проследил... Ну да ладно. К делу, капитан!

– Мне тоже надо... ошибиться? – вскользь поинтересовался Тарасов.

– А вот это – как получится, – значительно сказал Мезенцев.

...Артем рассматривал точеную Алькину лодыжку, как драгоценность, нежно держа ее на ладони.

– Из чего это делают? – прошептал он и поцеловал мелко дрогнувшие пальчики.

– Дурак! – девушка отдернула ногу. – Ты по-прежнему утверждаешь, что в ментовке работаешь?

– А что? – Тарасов лег на спину и закрыл глаза.

– Ты одиночка, вот что, – пыхтя неподдающейся сигаретой, ответила Алька. – Менты – те стаей ходят, как шакалы... А ты странный... одинокий...

– Буду считать это комплиментом, – Артем поцеловал влажные после мытья девичьи волосы. – Но я все равно работаю в милиции – в любом случае, это то, что тебе, девочка моя, полагается знать...

Приятный эпизод припомнился Тарасову по дороге в аэропорт, но он сразу прогнал тревожащее воспоминание. Ни к чему. Алька обиделась, во-первых, на то, что он не взял ее с собой в отпуск, во-вторых, на то, что не пошел с ней в свободный день на футбол, предпочтя валяться на диване перед телевизором с банкой пива в руке. И в-третьих обиделась, и в-четвертых... За два года, миновавшие после развода, Артем совершенно разучился нормально общаться с девушками: именно так ему Алька и сказала. Поссорился с Алькой, дурак, а ведь что сам себе давеча обещал: жену, мол, заведу, дом, корову...

Свое второе пришествие в Ростов-на-Дону Артем, понятное дело, афишировать не стал, как не стал интересоваться продолжением той скверной истории. Других дел по горло.

Через два ряда кресел сияли благородным серебром виски старшего прапорщика с простой фамилией Михайлов по прозвищу Шурави. Они успешно делали вид, что незнакомы. Времени было мало, и сразу двоих бойцов «Шишкина леса» пришлось отправлять одним рейсом. Артему представлялась скривленная, вечно недовольная физиономия прапора, будто все вокруг были должны ему деньги. Тарасов взял его на операцию только потому, что второго такого рукопашного бойца в «Шишкином лесу» не было... Трое остальных двинули наземным транспортом.

Артем, закрыв глаза, просматривал по воображаемой тактической карте дальнейший маршрут группы до Ханкалы. Битые колесами, иссушенные солнцем гнутые дороги, с обочин которых только в прошлом году убрали остовы сгоревших бронетранспортеров, легковых машин и грузовиков... Тонущие в весенних цветах селения, следящие десятками настороженных глаз-окон за движущимися военными машинами... Нарядные новенькие машины местной милиции и – изредка – спокойно катящаяся мимо уличных лотков с фруктами свежавыкрашенная «БМП» с задраным пулеметным стволом... Земля кричала о воцарившемся мире, и ей очень хотелось верить.

Ханкала...

В военные дни этот поселок был самым безопасным местом во всей Чечне. Минные поля, замаскированные фугасы и периметры колючей проволоки, обворачивающие пространство наподобие рулета, – все это охраняло базу федеральных войск, административные и госпитальные здания, вертолетные площадки, ангары с техникой, казармы. Городок съезжился и почти исчез с карты, уступив место богу войны, но его название по-прежнему звучало грозно: Ханкала.

Все пятеро, они были похожи на резервистов. Форма, делающая людей похожими как близнецы, сейчас не скрывала ни могучую статью Кузнецова, ни кривые ноги Мищенко. В крытом брезентом кузове армейского грузовика их доставили в Ханкалу. Машина стояла перед первым КПП, и в кузов ввинчивались свежие струйки ветра. Пока майор-сопровождающий переругивался со штабом по рации, Артем жестом отдал приказ: «Тишина полная, приготовиться к разгрузке». Багратион деловито шнуровал туфли. Шурави, наморщив лоб, потягивался и зевал во весь рот: давала себя знать долгая дорога.

Грузовик въехал на территорию базы. Прогудел мимо штабной автомобиль. Наливник, рыча, разворачивался за шлагбаумом. Их водитель сдал задом, и кузов почти уперся в ступеньки дощатого модуля.

Сопровождающий отстегнул клапан. Скрипнула дверь, открывая скупое освещенный коридор.

Артем прыгнул первым. Следом разгружались остальные. Последним в модуль вошел прапорщик Кузнецов, высокий блондин, сияя грязновато-белым бугристым рубцом через всю щеку. Дверь захлопнулась за его спиной.

Санузел. Кухонька с электроплиткой. Пластиковый бак с питьевой водой.

– Располагаемся! – входя в жилую комнату, скомандовал Артем.

Багратион – невысокий жилистый грузин, родом из Самары, подрывник и снайпер от бога – швырнул сумку рядом с узкой койкой гражданского образца и со стоном рухнул на нее плашмя.

– Никак устал, чернявый ты наш? – ухмыляясь, Кузнецов уселся на соседнюю койку и принялся сдирать с себя куртку. – Отоспишься – как новый будешь!

– Устал, – кивнул Багратион. – Пока собаку к друзьям пристроил, семь потов сошло. Легче в предполье колючку ножницами резать...

– Личному составу приказываю: пожрать и дрыхнуть, – занимая оставленное ему место у затянутого камуфляжной сеткой окна, веско проговорил Тарасов.

– Режим секретности знатный! – заметил Мищенко, молодой и нахальный сержант-сверхсрочник. – На прошлой войне такого не было.

– Было, да тебе не сказали, – буркнул Михайлов-Шурави.

Пообедали консервами, судача о предстоящем деле.

– Артем, открой конвертик, – предложил Шурави. – Я знаю, что у тебя в кармане батино предписание под сургучной печатью.

Тарасов поворочался и не стал отвечать задиристому прапору.

– Хватит о работе, давайте лучше о бабах, – проворчал сержант Мищенко. – Вот что ты, Багратион, о бабах думаешь?

Чиковани пожевал губами и глубокомысленно сказал:

– Слишком много о них говорят, оттого все проблемы...

– А как я бабу оцениваю? – лежа на спине с закинутыми за голову руками, уже разглагольствовал Шурави. – Я всегда говорю: «Пока тебя голой, босиком и без макияжа не видел – не знаю, какая ты на самом деле!»

– Дурак, – скупое прокомментировал Артем и добавил: – Скажи лучше, ты почему по выслуге лет на пенсию не идешь?

– Еще повоевать хочу, – ответил прапорщик. – Я ведь Афгана самый хвостик захватил – с восемьдесят пятого только. Я с последней колонной шел: такое творилось...

– Желание еще повоевать – нездоровое желание, – полусонно прогудел с соседней койки Кузнецов.

– Я давно подозревал в тебе пацифиста, пацан, – буркнул Шурави. – Надо же – такой здоровый лоб, и вдруг пацифист!

– А за пацифиста... – скрипнул пружинами койки Кузнецов.

Багратион закричал: ему мешали почитать на ночь страницу-другую. «Гейнц Гудериан. Записки солдата» – значилось на обложке. Мищенко уже бессовестно дрых, раскидав по койке длинные кривые ноги.

– Личный состав – отбой! – прикрикнул Артем. – Старший прапорщик Михайлов, приказываю заткнуться! Никакого пацифизма, никакого милитаризма – мы все на работе...

С этими словами он потянулся и щелкнул выключателем. Багратион снова закричал. Было слышно, как шуршат страницы книги, которую он торопливо совал под подушку.

Бойцы замолкли, и через пять минут казарма огласилась дружным храпом.

Когда лысеющий канцелярский старлей принимал у командировочных мобильники, записывая марку, аккуратно отключая и укладывая в сейф, все привычно помалкивали. Только перешедший недавно в «Гамму» из армейской разведки Кузнецов открыл рот, чтобы возразить, но, увидев спокойные лица коллег, последним выложил на стол свой роскошный «Nokia».

– «Левые» мобильники просьба у солдатни не покупать, – проскрипел старлей. – Это в ваших же интересах...

– Сейчас, похоже, расскажет историю про то, как чичи спецгруппу по звонку мобильного засекли... – шепнул Мищенко на ухо Артему.

– Ну, хватит нас лечить, командир! – выверился на лысого Шурави, чье спокойствие всегда было куцом. – Небось не маленькие!

Канцелярский равнодушно пожал плечами: до личного состава распоряжение доведено, а дальше как бог даст.

Тот самый старлей выложил на длинный стол пять комплектов снаряжения: невзрачные спортивные костюмы, кроссовки; грохнув дверцей железного шкафа, вывалил пять кобур необычной формы и принялся записывать номера стволов. Так и есть: им вручали новенькие «ПП-2000», совсем недавно поступившие на вооружение армии.

– Сильная штука! – взвешивая пистолет-пулемет на руке, проговорил Кузнецов. – На основе автоматики со свободным затвором. Мы еще испытывали такие – нас, лучших стрелков, специально в Тулу возили...

– Все врешь, пехота! – хмыкнул Шурави. – Не верю я в новую технику, братцы. Не верю. «Калашников» – вот это да!

– Боеприпасы расходовать аккуратно, – встрял старлей, неожиданно ловко подхватывая вороненое тельце «ПП» и любясь его совершенной формой.

– Тьфу! – сплюнул Шурави и потребовал: – Штык-ножи хоть дашь, а?

Лысый покачал головой и, усмехнувшись, разложил перед бойцами стандартные штык-ножи от «АКМа». «Он ведь отличный парень! – понял Артем. – Зануда только...»

Бойцы выстроились в коридоре, сразу за решетчатыми дверями оружейки. Гудел за дверью, разогреваясь, автомобильный мотор. Артем оглядел приобретших несерьезный вид бойцов, вынул серый конверт и сломал печать. Оттуда выпали зелено-бурая карта, какие-то фотографии и напечатанная на машинке бумага. Тарасов читал, беззвучно шевеля губами, а четверо пристально смотрели на него, ожидая приказа.

– Вводная, братцы, – сворачивая лист, негромко сказал Артем. – На объекте – смотрим карту – находится нужный нам человек. Он там будет, вероятно, не один – смотрим фото

– и вооруженный. Гасим всех, берем фигуранта теплым, топаем на исходную. Стрельбу без нужды не поднимать...

– Товарищ капитан, без связи как будем? – спросил Мищенко.

– Очень просто, – ответил Тарасов. – На пальцах объяснишься, если приспичит.

– Не нравится мне это все, – проворчал Шурави. – Мирная зачистка, мать твою за ногу...

– И еще: если возьмут, молчать глухо, – быстрым взглядом заткнув рот брюзжащему прапорщику, добавил Артем. – Мазу за вас, черепа, никто тянуть не будет, потому как – полная секретность. Поэтому молчать, пока знакомую рожу не увидите, – меня, комбата или начштаба. А если увидите, кроме «здравия желаю», все равно ничего не вкаты – сами скажут, что надо... Ясно?

– Так точно, – прогудели бойцы.

Крытый брезентом грузовик принял группу в свое затхло пахнущее нутро. Задержался клапан, и в редкие отверстия брызнули солнечные лучи.

Артем склонился над картой. Вроде все знакомо. Поселок в окрестностях Грозного. Дачи. Свежий асфальт – вот этой дороги в последнюю войну не было...

– Товарищ капитан, почему этот козел выдал только по одной запасной обойме? – спросил Багратион.

– Огневого боя не будет, Саша, – заверил Тарасов, хотя сам вовсе не был в этом уверен. Машина остановилась. Стал слышен легкий шум близкой речушки. Точка выгрузки.

Артем отпахнул брезент, и в кузов ударила струя напоенного вечерней прохладой воздуха.

Тарасов прыгнул через борт. Бойцы последовали за ним. Грузовик погасил фары, слился с наступающей ночью.

След в след они бежали по берегу ручья. В руке старшего прапорщика Михайлова мелькал бурый футляр штык-ножа.

Берег поднимался. Стал виден ряд фруктовых деревьев, высаженных по линейке, высокие заборы. Вслед группе пролаяли и тут же заткнулись цепные псы.

Тени бойцов просквозили мимо молчащих, опасно припаркованных на осыпи машин. «Здесь!» – жестом указал Артем. Группа оказалась перед трехметровым дощатым забором с резными завитушками поверху. Кузнецов прижался спиной к доскам, сложил руки в замок и пропустил наверх тощего Мищенко. Шурави проделал тот же трюк с Тарасовым и не удержался от того, чтобы не шлепнуть по заднице карабкающегося следом Багратиона.

Артем мягко побежал по свежевскопанной земле в ту сторону, где светились вечерние окна. Он слышал едва слышный шелест – бойцы расходились веером, окружая дом.

Шурави-Михайлов и Артем скользнули вдоль стены, заглядывая в окна. Светится телевизор, молодой человек с небритым лицом смотрит новости. Не он... Кухня – толстая тетка в платочке хлопочет у стола. Кошка на пушистом восточном ковре...

Тарасов указал Шурави на входную дверь. Прапор кивнул, оскалив зубы. Артем взобрался на тощие плечи Мищенко и, подтянувшись на руках, взлетел на балкончик под скатом крыши. «Раз, два, три», – медленно отсчитал Тарасов и вынес ударом ноги оконную раму. Снизу прогрохотало в ответ: Шурави выбил входную дверь. Взвился под небо женский крик и мгновенно затих.

Тарасов, захватив «ПП-2000» обеими руками – за рукоятку и скобу, – повел стволом по комнате. Толстый дядька в одной майке выпученными глазами смотрел на гостя. Он сидел за столом, накрытым к чаю, и в руке животастого дымилась чашка. На вешалке в углу висел милицкий мундир с подполковничьими звездами.

Артем приложил палец к губам. Чайная чашка, звякнув, вывалилась из рук хозяина.

– Кто?! – прохрипел он. – Кто...

Тарасов шагнул вперед и ударил толстяка ребром ладони по шее, тот послушно рухнул лицом в цветастый поднос со снедью. Дверь комнаты распахнулась, и на пороге вырос прапорщик Кузнецов.

– Внизу чисто, – доложил он, склоняясь над бесчувственным телом.

– Домашние живы?

– Так точно... Шурави пацану – сын, наверное, – морду кулаком разбил, а так все нормально...

– Поехали!

Артем подхватил толстяка под колени, прапорщик принял того под плечи. Тело моталось из стороны в сторону, цепляясь брюхом за перила гнутой лестницы. Мищенко с облегчением махнул рукой: он контролировал первый этаж. Двое остальных шерстили двор на предмет возможных неприятных неожиданностей.

– Дернешься – пристрелю, – шепнул Тарасов в волосатое ухо пленника.

Открыли изнутри калитку – Шурави пришлось поорудовать штык-ножом – и тронулись в обратный путь, передавая ношу. Кузнецов, которому пришлось тащить стокилограммового пленника дважды – в паре с Артемом и Мищенко, – злобно сопел.

Они вышли к машине раньше заданного времени. Начинаящего очухиваться толстяка загрузили в кузов. Грузовик выкатился на бетонку и набрал скорость. Дичь бессмысленно пялила глаза, потела и мычала сквозь обрывок скотча. Багратион давал арестованному пинка, когда тот слишком резво сучил обутыми в домашние тапки ногами.

Бойцы переглядывались: что-то уж больно гладко все вышло. Про то, что за птица пленник, – недаром ментовский мундир у него на вешалке висел! – Артем предпочел не распространяться.

Груз благополучно сдали в Ханкале. Неподалеку слышался гул вертолета: машина была готова доставить арестованного куда следует – подальше от извилистых дорог и горных склонов Чечни.

Мылись по очереди в тощем пенале душа, поторапливая друг друга, – вымывшийся по праву командира первым Артем курил, усевшись на ящик из-под галет и пуская дым в рубчатый потолок, – потом молча валялись на койках. Дело было сделано, только ни радости, ни обычного облегчения после умело выполненной работы не чувствовалось.

– Новые методы, – проворчал Шурави. – Бандитская разборка какая-то, а не зачистка, в натуре! Таким манером заложников берут...

– «В натуре – в прокуратуре»! – передразнил Тарасов. – Не умничай, а?! Болтаешь лишнее в последнее время...

– Возраст, знаешь, – неопределенно протянул Михайлов, но все-таки заткнулся.

Кто-то – кажется, Мищенко – предложил выпить, и обычно готовые к настоящему мужскому делу бойцы впервые хмуро отказались от выпивки. Война, на которую их отправил полковник Мезенцев, казалась слишком странной.

– Назад, в Подмоскovie, тоже поодиночке двинем? – прервал молчание Кузнецов.

Ответом ему было тяжелое молчание.

...На следующее утро Артем вернулся с оперативного совещания пасмурный.

– Переигралось все, – сообщил он. – Возвращаться в «Шишкин лес» приказа не было. Зато завтра пойдем на новый объект. В прикрытии пойдет спецподразделение войск МВД...

Бойцы возмущенно завывали на разные голоса.

– Всю музыку нам перегадят! – высказал общую точку зрения прапорщик Кузнецов. – Сколько раз такое было...

– Отставить бузить! – гаркнул Тарасов. – За снаряжением шагом марш!

Он связался с Мезенцевым по своей спецсвязи, доложил об опасениях. «Выполнить зачистку и ждать распоряжений! Батя» – через пять минут высветились зеленые буквы на дисплее. Тон приказа показался Артему нервным. Опять у Мезенцева боли полна голова: те, кто сидит наверху, так и норовят подправить работу военных спецов. А результаты... Э-эх! А вчера еще журналисты у штаба нарисовались...

Лысый старлей на этот раз был щедр, как Дед Мороз. Аккуратные стопки снаряжения легли перед бойцами.

– Как в Африке, – буркнул Кузнецов, поправляя перегруженный боеприпасами «лифчик».

– Ты что, в Африке побывал? – ревниво спросил Шурави.

– Довелось. В составе миротворческих сил...

– Понятное дело, – протянул Шурави. – Я в свое время, под Кандагаром, тоже миротворцем был...

И не к месту гоготнул.

– Штурмом Грозный брать будем? Это в который, дай бог памяти, раз? – взвешивая на руке камуфлированную «сферу», сыронизировал Багратион, но никто не ответил на его шутку.

Облачившись, бойцы Тарасова почувствовали себя увереннее. Мищенко деловито набивал «лифчик»³ запасными магазинами. Шурави натягивал на плечи «разгрузку»-хаки⁴ и фыркал: она плохо подходила под болотно-зеленый комбинезон.

Артем скомандовал построение. Посерьезневшие бойцы выстроились в ряд – одинаковые у блеклой стены. Капитан Тарасов был сто раз уверен в правильности подгонки снаряжения и исправности оружия, но не поленился устроить опытным спецназовцам форменный старшинский досмотр. Ни одной шуточки не прозвучало: сейчас за длинный язык командир запросто мог сунуть кулак прямоком в нахальную морду и оказался бы прав на все сто.

– Черепа, ставлю боевую задачу, – Артем хлопнул ближнего бойца по «сфере» и отступил на шаг, закидывая автомат за плечо. – Выходим на расчетную точку, зачищаем два жилых дома и сворачиваемся.

– Товариш капитан, как в прошлый раз, или?.. – поинтересовался Кузнецов.

– «Или», товарищ прапорщик, – в тон ответил Тарасов. – Перекур и через пять минут погрузка! Рациями пользоваться разрешаю – на этот раз.

Еще недавно, меся траками густую бурую грязь и подрагивая зелеными хоботами, тут ходили злые низколобые танки – в сторону гор и обратно, а сейчас только высушенные зноем колдобины в железных отпечатках напоминали о войне.

Остановилась грязная санитарная машина, осторожно погудела. Повис на дверце бритый наголо прапорщик с медицинскими змейками в петлицах:

– Двадцать один ноль пятьдесят семь? – крикнул.

Артем вопросительно поднял бровь.

– Войсковая часть! – уточнил прапорщик.

Тарасов развел руками: о такой части он не слышал.

Внятно матюгнувшись, прапорщик исчез в кабине. Санитарная машина сдала назад, колыхнулась на ухабе и, плюнув дымом, исчезла за поворотом.

Их сгрузили в пыль метрах в трехстах от ближних – пустых и запущенных – домов. Артем поглядывал на часы: прикрытие запаздывало. Майор Семенов, представитель войск МВД, приставленный к группе Тарасова, спокойно курил, сидя на корточках. Бойцы косились

---

³ Элемент спецназовского оснащения: подсумок под запасные магазины к автомату (арм. жарг.).

⁴ «Разгрузка», или «разгрузочный жилет» – элемент экипировки, включающий карманы для оружия и боевого снаряжения (арм. жарг.).

на нового человека: ментов, да и вообще чужих, они недолюбливали. Зазвонил майорский мобильник. Семенцов бросил в трубку несколько слов.

– Все как тогда, в последнюю войну, – заметил Шурави. – Никто ни черта не знает, все едут непонятно куда и зачем... Правда, не стреляют.

– Накаркаешь. Скоро начнут, – усмехнулся Артем.

Бойцы, рассевшись на траве, расслабленно курили. Пять минут свыше расчетного времени уже прошло.

– Опоздание растет, – отметил Тарасов.

– Только что отзвонились: на заправке в Ханкале застряли, – сказал майор. – Бумажки какие-то нужны, а мой прапор не захватил. Еще бочку с солярой им какую-то суют – на четвертый блокпост доставить надо... В общем, сплошная усушка и утруска.

Хмыкнув, Артем присоединился к своим.

– Товарищ капитан, а у них тут бардак, однако, – заметил прапорщик Кузнецов. – Мы давеча, когда на инструктаж возле штаба собирались, – так журналисты какие-то подлезли: что, мол, да как?

– А ты-то что? – поинтересовался сержант Мищенко.

– Сказал: картошку копать приехали, – ответил Кузнецов. – А девка с микрофоном и спрашивает: почему в бронежилетах?

– А ты что? – подключился к игре Тарасов.

– Говорю: есть у нас генерал-аншеф Багратион, так очень уж больно он картошкой бросается!..

Все четверо бойцов улыбались, а шире всех – прапорщик Сашка Чиковани, прозванный Багратионом не только за орлиный кавказский нос, но и за маниакальную любовь к военным мемуарам. Сейчас они были на задании и ржать в голос им не полагалось.

Семенцов поглядывал на спецназ неодобрительно.

– На самом деле бардак, – сказал Артем. – «Режим секретности, режим секретности!» А журналистов удалить на безопасное расстояние не могут...

– Демократия, – плюнул в траву Кузнецов. – Откуда они тут берутся, вся эта «вторая древнейшая»? Войны-то как будто нет...

– Сам ответил: «как будто», – сказал Тарасов и, стрельнув бычком в кусты, вскочил на ноги. – Подъем, черепа! Вон ихние машины пылят.

– Такси подано, – пошутил кто-то, но его юмор пропал даром.

Семенцов побежал навстречу бортовому «КРАЗу» с солдатней.

Спецназовцы подтянулись к шоссе. Багратион осматривал зачехленную «эсвэдэшку» – снайперскую винтовку: ремешки как надо приторочены, можно и за плечо закинуть, поближе к телу.

Звякая автоматами и топая ботинками, солдатики разгрузились и разбрелись. Два взвода их тут наберется. Гранатометы, два пулемета «РПД» и сорок немытых рыл под зелеными касками.

Бойцы Тарасова юмористически поглядывали на прибывшую пехоту.

– Ужас! – с деланным испугом проговорил Артем. – Ты видел, как тот вон, рыжий, автомат держит?! Вижу, навоюем с ними... Пьяный он, что ли?... Эй, боец! – окликнул Тарасов солдата с круглой веснушчатой физиономией. – Подойди сюда!

Рыжий подошел шага на три и остановился, подозрительно нетвердо держась на ногах.

– А ты кто? – спросил он, выдохнув слышную еще издали струю перегара.

– Я-то?! Конь в пальто! – ответил Артем. – Ты где нажрался?

– Где надо, там и нажрался! – борзо сверкнул глазами солдат. – Вообще, нам приказано с чужими офицерами не разговаривать! – добавил он и, круто развернувшись, вернулся к группе галдящих воинов.

– Общаешься с личным составом? – подбежал взмыленный Семенцов.

– Ага, в основном на языке жестов, – ответил Тарасов. – Ну и бдительные у тебя бойцы, МВД! Сразу во мне чужого признали.

– Нормальные солдаты, – рассеянно бросил майор. – Ну что, двинули?

Когда бойцы Тарасова, оставив прикрытие на дороге, цепочкой двинулись вверх по осыпи, Михайлов-Шурави с придыханием заговорил, будто целясь голосом в спину Артему:

– Тот майор свой парень оказался... Говорит: известное дело, как вы, москвичи, подполковника из местной ментовки прихватили, так чичи теперь и закопошились. Я говорю: видать, повязан был, потому и приказано было взять. А он говорит: круто вы, парни, дело провернули – без сучка без задоринки. А я говорю: еще пару домиков там наверху почистим и домой поедем. А он: так прямо и двинете, по склону? А я ему: а чего нам, кабанам, по кустам-то кружить?..

– Совсем охренел, прапор, мать твою, такие разговоры с этим ментом вести?! – полуобернувшись, прошипел Тарасов. – Ну, я с тобой в Ханкале поговорю, трепло! Ну, поговорю!

– Свой ведь парень... – обиженно протянул прапорщик. – Насчет выпивки-закуски похлопотать обещался... Зря ты гоношишься, командир!

Когда «сферы» бойцов колыхнулись над осыпью, в виду дальних домиков, в темном провале окна раскрылся черно-красный цветок, потом еще один... Пулеметная очередь выбила несколько камешков из-под ботинок Тарасова.

Багратион уже упал за ближний пригорок, поводя стволом снайперки. Кузнецов, присев, рвал с плеча трубу гранатомета. Артем скомандовал залечь и принялся поливать автоматными очередями подкопченные дыры окон. Его пятерка действовала сейчас как обычное подразделение СОБРа или ОМОНа. «Микроскопом гвозди забивают! – ругнул Артем командование. – Еще команду идти в атаку бы подали! На амбразуру!.. С таким шумом подъехали – только глухому не слышно...»

Снизу, от дороги, в паузе стрельбы слышались громкие команды: солдаты обходили склон по дороге.

– «Лимита», ответь «Марсу»! – прорвался в рации голос Семенцова. – Идем к вам!..

Внизу заработала пара ручных пулеметов. Посыпались на голову тарасовских бойцов сбитые пулями ветки.

Артем перекатился, вскочил, пробежал несколько метров и снова залег. Дом огрызнулся автоматным огнем. Распластанные на простреливаемом склоне, «лешие» из «Шишкина леса» были сейчас беспомощны. Пространство перед домом, поросшее жухлой травой, простреливалось сплошь. Фонтанчики рваной почвы взметывались. Сносило ветром пороховые дымы.

Кузнецов наладил «граник» и положил гранату в одно из окон-бойниц. Дом пыхнул огнем, отхаркнулся целым водопадом штукатурки. Там, в глубине дома, завопили. Стрельба оборвалась.

Багратион, до того момента тупо пившийся в оптический прицел, плавно нажал на спуск, и выстрел СВД раскатился над склоном.

Артем кивнул снайперу, и тот, усмехаясь, показал сцепленные большой и указательный пальцы правой руки: «Один есть!»

Солдаты, вихляясь, бежали вверх, поливая огнем безмолвный дом. Оттуда больше не было слышно ни единого выстрела.

– «Марс», ответь «Лимите»! – вызвал Тарасов Семенцова. – Что там у тебя?

– Идем на штурм! – бодро отозвался тот.

Артем пожал плечами и жестом показал бойцам: остаемся на месте. Если не все понятно, то лучше повременить. Чичи – если в доме остались живые – должны были отойти. Нужно оцепить селение, только наличных сил МВД недостаточно... Тот, кто планировал операцию, думал не головой, а жопой. Их этому в академии Генштаба специально учат.

Багратион задумчиво упаковывал винтовку.

– Трах вроде был, а оргазма я как-то не ощутил, – сказал Шурави, заталкивая в карманы «разгрузки» пустые автоматные магазины. – Что это было, а, командир? Какого хрена мы тут делали, а? Прикрывали сокрушительное наступление доблестных ментов?

– Выходит, рассекретили нас? – поинтересовался Мищенко. – Свои и рассекретили? Так надо, что ли?

Артем пожал плечами. Зелено-бурые фигуры солдат мельтешили под стенами дома. Мелькнуло кепи майора Семенцова. Кто-то вскинул «калаш» и помахал им в воздухе. Там праздновали победу.

«Задание выполнено. Наши дальнейшие действия?» – такое послание отправил капитан Тарасов батэ в тот вечер.

«Продолжаете плотно работать со спецназом МВД», – гласил ответ.

Прапорщик Шурави был жестоко обижен: вечером, сразу после ужина, Тарасов орал на него, как на салагу-первогодка. «Были бы на базе, дневальным бы поставил сукина сына!» – так завершил капитан жестокий разгром.

«Козлина! – топая вдоль казарм, психовал Шурави. – Пацан!.. Ну, поговорил с человеком – экая секретность! Много берешь на себя, капитан! Ты в военном училище еще полы мослал, когда я под Кандагаром пролил кровь!.. Завтра, как Умара брать будем, я тебе покажу, кто воевать умеет! Сосунок...»

От этих слов стало легче на душе. Старший прапорщик отправился к новому другу – майору Семенцову, простому и понятному парню, без выкрутасов.

Купленные по случаю на КПП ноль семь водки плескались у самого сердца.

– Товарищ капитан! Товарищ капитан! – Дробный топот по расхлябанным доскам модуля отдавался в больной тарасовской голове. – Приказано будить!

Артем приподнялся на локте. Вишь ты, без доклада бежит боец – что-то нехорошее случилось...

– Товарищ капитан, вас товарищ майор Семенцов зовет! – выпалил тощий дневальный. – Будить приказано!

– Что значит «зовет»? – проворчал Тарасов. – Он совсем охренел, что ли?!

– Там у Мишки крыша съехала! – выпалил дневальный. – Совсем съехала!..

Артем спустил ноги с кровати и стал шнуровать ботинки.

– А кто такой этот Мишка? – спокойно поинтересовался он.

– Водитель с хлебовозки... У него это... девушка замуж вышла! В Рязани...

– Ну, если в Рязани... А сколько служит?

– Восемь месяцев.

– Он с оружием, что ли? Шухер такой подняли...

– Так точно, с оружием... Застрелюсь, говорит!

– Где он?

– На старом складе заперся.

Майор Семенцов, укрывшийся за пустыми бочками из-под соляры, тихо матерился: мобильный зама по воспитательной работе не отвечал. Рядом топтался дежурный по роте. Из-под днища разобранного «ЗИЛа» торчали две пары ботинок: караульные держали склад под прицелом.

Артем прошел мимо Семенцова, не удостоив того взглядом, и медленно двинулся по открытому месту прямо к укрытию, где скрывался потенциальный самоубийца. Тарасов чувствовал: оттуда, из-за двери следит за ним затравленный взгляд человека, давшего слабину на войне.

Сквозь худые доски двери возбужденно поблескивали глаза бойца. Сумасшедшими глазами смотрел он на ставший тесным и черным мир, уставив ствол табельного «калашникова» в дверной проем. Что нужно этому бледному капитану с перевязанной головой? Тоже, видно, дисбатом станет страшать...

Тарасов подошел к двери вплотную, взялся за ржавую щеколду, потянул. Сумерки. Силуэт в мешковатом камуфляже. Автоматный ствол глянул в лицо Артему.

– Сынок, не дури-ка, – глядя прямо в перемазанное грязью дергающееся лицо солдата, устало проговорил Артем. – Ты мне автомат дай – у меня надежней будет.

– Мне сказали: дисбат! – теряя голос, протягивал тот. – Мне сказали... Застрелюсь!

– А я тебе говорю: не будет никакого дисбата. Выходи, давай мне автомат и пойдем со мной – водки налью.

Укрывшиеся поодаль с недоумением слушали речь командировочного капитана. Он не угрожал и не лебезил.

– Ты правду говоришь? – блеснул глазами солдатик.

– Гадом буду! – сказал Артем и встал на пороге. – Давай «калаша» – вон руки трясутся как! Неровен час уронишь, разобьешь... А вещь дорогая, между прочим.

В напряженной тишине было слышно, как звякнуло кольцо на автоматном ремне. Тарасов принял оружие, небрежно забросил за плечо: салага даже с предохранителя не снял.

Дрожа всем телом, боец вышел на свет.

– Что ж ты, сукин сын! – коршуном кинулся к проштрафившемуся Семенцов, но Тарасов остановил того движением ладони.

– Майор, я бойцу водки обещал. Сначала налью, потом будешь с ним разбираться. Советую замять дело – иначе тебе же дороже выйдет. Лично я просто бы морду набил. Да не бойсь, сам пить не буду. Голова и без того чугунная...

Вечером после ужина Семенцов, помявшись и тиская в ладонях свое заливчатое кепи, проговорил:

– Нас отправляют на сопровождение колонны... Подсобишь со своими орлами, а, капитан?

Первым желанием Артема было отказать. Это работа для обычного ментовского спецназа, а не для «леших» из «Шишкина леса». Но такая просьба была в майорских глазах, что отказать было очень трудно.

– Наводка имеется? Ждать, что ли, будут? – спросил Тарасов.

– Да вроде того...

Вышли на рассвете. Три зеленых бэтэра в камуфляжных разводах катились по дороге. Пятерка Тарасова вольготно расположилась в нутре средней машины. Артему почему-то подумалось о солдатиках, набитых в соседних машинах навроде килек в банке, толкающихся «сферами», сцепляющихся автоматными стволами и по этому поводу сдержанно матерящихся. «На войне много и часто ругаются», – вспомнились неизвестно чьи слова из старой книжки.

– На броне бы поехали, – буркнул Мищенко. – Опять в войнуху играем, командир?

– Будешь много разговаривать, точно проиграешь, – прогудел в ответ Кузнецов.

Все детали предстоящей операции были десять раз обговорены, но Артема не оставляло смутное беспокойство. Не прозевали ли чего? Не просчитались?

– «Марс», я «Лимита», – вызвал Артем Семенцова. – Что там видно с головной машины?

Слышно было, как майор ржет в рацию:

– Нас обогнали белые «Жигули»!

Дорога накренилась, изогнулась. Головной бэтээр, будто подтянувшись на четырех колесах правого борта, подминая кустарник, двинулся вверх по сыпучему склону. Бэтээр с бойцами «Шишкина леса» пошел следом.

Чутким ухом Артем уловил нездоровый взыв дизеля: машина шла боком, готовая сверзиться с обрыва. На свету мелькнула щека водителя с ползущей стружкой пота.

– Брысь! – мгновенно приняв решение, скомандовал Артем.

Тот мотнул головой в шлеме:

– Запрещено, товарищ капитан! Нормально ж идет машина.

Дрожь корпуса судорогой прошла по телу.

– Ты сколько служишь? – спросил Тарасов, кладя руку на плечо бойцу.

– Девять месяцев...

Капитану хотелось тут же наорать на водителя, но злое желание сразу отпало: мало, что ли, орал на пацана...

– Давно служишь... – хмыкнул Артем. – Осыпь чувствуешь? Ну, камешки, камешки, которые под нами уже ползут? Там машина сто процентов боком пойдет и сковырнемся всей компанией вон туда... – Тарасов указал пальцем вниз.

Водитель вопросительно взглянул на офицера.

– Давай-ка, сынок, слезай с козырного места, а вместо тебя этот дяденька за управление сядет... Кузнецов, давай, порули!

Бэтээр, чуя крутой спецназовский норов, взревел и осторожно тронулся, качнулся, пополз. Стрельнули острые камешки по борту. Мелькнуло в три четверти лицо прапорщика. Ну и морда у него была! Скривленные губы, оскал нечеловеческий – кажется, вот сейчас выпустит прапор клыки и зарычит, перемежая рык с матом. Казалось, сейчас настоящий Кузнецов, оставив на водительском месте свою тень, там, снаружи, подпирает плечом борт бэтэера и стоят они оба от натуги – человек и бронированная машина.

Ковырнулись колеса в осыпи, завертелись. Бэтээр выровнялся и двинулся вверх по склону. Солдатик-водитель смотрел на это безобразие, и его испуганные скулы по-лиси выдавались вперед.

Водила замыкающей машины просек опасность и обошел осыпь метрах в тридцати.

– «Лимита», я «Марс»!.. Выбрались?

– Твоими молитвами... – отозвался Тарасов.

– Там дорога нехорошая, – сообщил майор Семенцов. – Из «зеленки» запросто врезать могут. Остановка – и личный состав на броню!

– Понял тебя...

Машины встали на повороте.

Сломанный плетень, вроде нашенского. Угол колодца...

Солдаты горохом сыпались из брюха бэтэера, бойко карабкались на броню.

Артем боковым зрением поймал движение и непонятный отблеск. Его автомат, вильнув, взял цель на мушку. Семенцов ловко подбил ствол снизу – впрочем, Тарасов уже не собирался стрелять.

Из-за колодца вымахнула нелепая, вроде бы женская фигура в немыслимо грязном тряпье и с платком, закрывающим верхнюю половину лица. В руке у чудища болталось обыкновенное ведро из нержавеющей стали. Что-то мыча, фигура обернулась спиной к колонне и принялась вертеть ручку колодезного колеса.

– Здорово, мамаша! – радостно заорали с переднего бэтэера. – Живей давай тряпкой шевели!.. Торопимся!

Майор обернулся к Артему:

– Это сумасшедшая местная... Одна тут живет – жители разъехались давно. Ее вроде «чехи» когда-то изнасиловали, так крыша и потекла... Нашего брата теперь любит, как может. Гляди: сейчас воды наберет и будет бэтэерам колеса мыть. Чисто цирк! В добрый, значит, путь, солдатики...

– Это она тебе сама рассказала? – с сомнением в голосе спросил Тарасов.

– Про что? – не понял Семенцов.

– Про «изнасиловали» и про горячую любовь к федеральным войскам?

– Так она не говорит – мычит только! – удивился майор и, видя негаснущий интерес в глазах Артема, добавил: – Не она, так кто-то другой рассказал... Ее бойцы любят. Радуются... Тут колонны всегда останавливаются – примета такая...

Бестолково расплескав воду и махнув несколько раз по мощной резине колес разломанной тряпкой, сумасшедшая провыла что-то и, улыбаясь во весь рот, замахала руками: мол, езжайте!

– Ты про войну книжки читал? – уже трясаясь по каменистой дороге, спросил Артем у Семенцова.

– Про какую? – выпучил глаза майор.

– Про Великую Отечественную, дура!.. Про методы работы абвера, например?

– А что это за зверь такой – «аб-вер»? – простодушно поинтересовался Семенцов.

Тарасов махнул рукой и уставился на дорогу. «В армейскую контрразведку стоит потом доложить – насчет бабы этой... Нет, все-таки померещилось... к черту...»

Когда колонна скрылась из глаз, сумасшедшая поставила ведро на землю, откинула со лба прядь спутанных седых волос, извлекла из своих лохмотьев мобильник и хрипло сказала в трубку:

– Умар, хорошо слышишь меня?... К тебе серьезные гости... Немного, но, похоже, серьезные...

Дорога сузилась. Придвинулись почти вплитирку друг к другу курчавые склоны.

Бэтээры со спецназом на броне втянулись в ущелье, отплевываясь дизельной гарью.

– «Марс», ответь «Лимите»!.. Нельзя туда с ходу лезть, слышь, майор! Пусть «вертушки» пройдут, воздух понюхают...

– Общее командование на мне! – В этих словах отсутствовал обычный не всегда уместный семенцовский юмор. – И какие вообще «вертушки» в одиннадцатом-то текущем году, а?!

Каких-нибудь пару часов назад майор говорил совсем другое...

«Умар будет там, – толковал Семенцов, с превосходством глядя на московского гостя. – Точная агентурная информация... Я с местной администрацией контактирую – у них все концы. Пришлось, понятно, кое-какими своими соображениями поделиться...» Артем не привык доверять агентурной информации, полученной из не известных ему источников. Сомнения умножились, когда оказалось, что штабные офицеры, с которыми Тарасову тоже пришлось общаться, понимают полученные сведения весьма свободно: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет...

– Сюда бы установочку залпового огня... – мечтательно протянул Шурави. – Помню, в восемьдесят шестом под Баграмом мы из «Шилки» моджахедов долбали...

– «Калашникова» с тебя хватит, стратег-тактик, – оборвал его Артем и ткнул отяжеленной биноклем рукой в сторону склона. – Там дым, что ли?

– Да вроде нету дыма...

Ругнув еще раз черным словом Мезенцева, втравившего своих «леших» в сомнительную историю, Артем закурил. Сигаретный дым мгновенно сносило ветром, и поэтому курить было неинтересно.

Удар гранатометного выстрела пришелся по корпусу головной машины – комок плазмы вошел под башню и разорвался в нагретом теплом мотора брюхе бэтээра. Вспыхнул, как спичка, механик-водитель. Разорванный в клочки майор Семенцов так и не успел поднести к лицу рацию, чтобы доложить о нормальном ходе операции. Разметало сидевших на броне бойцов, и сквозь рев пламени и заполошные крики пробились автоматные очереди. Лупили со склона.

Бойцы Тарасова без команды лягушками попрыгали с бэтээра и залегли на обочине. Их машина встала, разворачивая башню. Замыкающий бэтээр с ходу застучал пулеметом, рассыпал солдат между камнями.

Чичи били по оглушенным солдатам, которые, беспорядочно отстреливаясь, падали у колес смятой дымящей машины.

– Отходить! – рявкнул Тарасов, принимая на себя командование. – Перебежками, мать...

Упал один, второй... Подхватывают раненого под прикрытием автоматного огня – еще один лег, откинув руку...

Тарасовские бойцы били редкими очередями, пытаясь подавить огневые точки чичей. Кузнецовский гранатомет всколыхнул кусты, подвесил на краю склона багровый куст взрыва. Водитель задней машины замешкался, разворачивая башню. По склону заработали уже два пулемета.

Вспышка ослепила Артема. Он рефлекторно перекатился в сторону.

Подожгли второй бэтээр. Башню вырвало с корнем. Брызнули в сторону тяжелые колеса, будто они были легче перышка.

– «Центр», я «Лимита»! – кричал Артем в рацию. – Попали под обстрел в квадрате 35–10! Есть «двухсотые»!.. Да хер я вижу, сколько!.. Повторяю, квадрат 35–10!..

– Я обращаюсь к тебе, русская собака! – сквозь треск помех и болботанье радиста из Ханкалы ворвался в уши Тарасову торжествующий гортанный голос. – Ты снова сюда пришел? Ты хочешь новой войны?! Ты ее получишь...

– Я тебя достану, Умар! – крикнул Тарасов. – Я за тобой пришел! Достану!..

Артем отключился: полевой командир ушел из эфира, и только Ханкала взывала к какому-то недостижимому «Четвертому».

Задний бэтээр, пятась, ушел метров на двести, не переставая отплевываться пулеметным огнем. Солдаты, петляя, бежали к машине. Больше половины бойцов осталось лежать.

Огонь сделался плотнее. Приложились из «граника» – там, где лежал Мищенко, расцвел куст взрыва. Ручной пулемет, старательно лупивший оттуда, смолк.

– Прикроем салаг, черепа! – приказал Тарасов. – Короткими! Огонь!..

Багратион, отложив бесполезную эсвэдэшку, скупое постреливал вверх из «АКМСа». Шурави, поминутно отплевываясь, тащил из «разгрузки» новый магазин. Кузнецов...

Прапор, встав на одно колено, всадил гранату в купу кустов на скальном язычке. С истошным ревом оттуда рухнул раненый боевик. Кузнецов приготовил вторую свеклу гранаты...

Снайперская пуля, чвакнув, вошла под ремешок, поддерживающий «сферу». Кузнецов сделал движение, будто глотал, и огромным телом опрокинулся в траву, раскидав ноги в тяжелых ботинках, завалив назад шею с раздробленными в мелкие осколки позвонками.

«Двоих загубил!» – мысленно застонал Артем.

Волоча раненого, ошалело промчались два последних солдата – один прихрамывал на бегу.

Бэтээр разворачивался. Уцелевшие льнули к его бронированной туше.

Тарасов ткнул большим пальцем через плечо: назад! И когда он приподнялся, чтобы перебежками двинуться к бэтэеру, автоматная очередь ударила в бронежилет, опрокинула и смяла Артема. Свиристая боль прожгла тело насквозь. Темная пелена поплыла перед глазами.

«Двоих загубил!.. Неужели свои подставили...»

– Командир убит! – яростно зыкнул из окружающей бесконечной темноты старший прапорщик Шурави.

Это было последним, что услышал Артем.

Сны пришли яркие, попугайской раскраски, и почему-то очень трескучие. То ли трескали пулеметы из ближней рожи – и звук казался игрушечным, ненастоящим на фоне струнно-

оркестрового пения непуганных птиц; то ли гудели неподалеку моторы, и этот звук мирно убаюкивал. Минувшая война настырно стучалась в запотевшие окна офицерского сна. И звезды висели в небе, готовые скатиться на погоны героя.

...Те бравые кавказские парни крепко влипли. Их блокировали в полуразрушенном двухэтажном доме на окраине населенного пункта Н. Бэтээр ссыпал с себя мотострелков прямо в жидкую грязь и начал гвоздить из крупнокалиберного по огрызающимся редкими вспышками выстрелов руинам. Из дома, криво сползшего к шоссе метрах в трехстах, постреливал снайпер федералов. Матерился в рацию командир мотострелкового батальона. Солдатики, копошась в воняющей мазутом жиже, постреливали короткими очередями. Гранатометчик, раскинув руки, лежал неподалеку на простреливаемом участке, и ползти под пулями за чертовой трубой никому не хотелось.

«Картинка вялая, – подумал Артем, небрежно козыряя комбату. – Надо бы оживить».

– Товарищ майор, старший лейтенант Тарасов прибыл в ваше распоряжение!

Майор повернул скривленную небритую физиономию и мигнул воспаленными глазами:

– Ты-то мне здесь на что?

– Приказ комполка.

– А-а! – махнул рукой комбат и сжал в руке рацию, словно хотел ее смять кусочком пластилина. – «Проточка», ответь «Юнкеру»! «Проточка», жду ваших распоряжений! «Проточка», мать твою!..

В ответ на грубое слово связь порвалась окончательно.

– Ну что мне делать?! – выверился майор. – «Обеспечить»! Приказ! Проедет командующий!.. А тут эти козлы из автоматов лупят – откуда они взялись на нашу голову через неделю после перемирия? Откуда?! Может, ты знаешь, а, старший лейтенант?

– Из нашего мирного будущего, откуда еще, – ответил Тарасов, но комбат не понял его иронии.

– Явился... – пялясь в сторону разрушенного дома, бормотал майор. – Спецназ прислали – на тебе! Спасибо за все хорошее! Сам управлюсь!

– Давай-ка по-спокойному, – снижая тон беседы, сказал Артем. – Танки вызвал?

– Связи нет, – морщась на это фамильярное «ты», ответил комбат. – Танки быстро бы эту коробку в щепки разнесли!.. Блин, а вместо танков прислали наглого офицера с «калашниковым»... Черт бы побрал этих идиотов!

– Не чепуши, майор, – прервал Тарасов. – Сколько их там?

– Вроде как четверо... А штурмом брать мне категорически запретили. Проедет командующий – а тут куча солдат пострелянных...

– Да, нехорошо, – согласился Артем. – С тыла там что?

– Третий взвод лежит мордами в грязи. Оттуда черные реально заблокированы.

– Попробую, майор, подсобить твоему горю. Слушай диспозицию...

По мере того как Тарасов говорил, лицо комбата прояснялось все больше.

– Молодец! Лихо придумал! – оживленно проговорил майор. – Действуем!

Действовать Артему пришлось в одиночку: пощаженные комбатом солдатики организовали неплохое огневое прикрытие. Шлепнулась в грязи у треснувшего оконного проема дымовая шапка. Заработали «калашниковы». Поверх грянул крупнокалиберный с бэтэера...

Тарасов, пригнувшись, побежал к дому. Это была задачка для первого класса. В душе одобряя решение майора не класть солдатиков перед случайной постройкой, Артем все-таки был недоволен: кавказская война вторая, а воюем хуже, чем на первой. Того нет, сего не подвезли, танки не успели, вертолеты опоздали... Любимый шлягер импотентного командования.

Боевики заметили движение в секторе обстрела. Свистнула у кромки каски пуля. Расплескалась фонтанчиками штукатурка. Заорали сверху по-чеченски.

Тарасов был уже у стены, в мертвой зоне, готовый прыгнуть внутрь здания. Адреналин бьет ключом. Сердце стучит о гортанный хрящ. И граната в руке зажата. Ребята наверху поняли, в чем дело: заорали громче. Выстрелы загрохотали уже внутри разрушенной коробки здания. Гранатомета у них, видать, нет. Чем больше шумят ребята, тем лучше...

Тарасов швырнул «эфку» поверх разгромленной лестницы. В мгновенной паузе было слышно, как ребристое тельце гранаты прокатилось по бетону. А потом грохнул взрыв. В туче пыли, хлеща короткими очередями, Артем взлетел на второй этаж. Боевик со съехавшей на глаза зеленой повязкой скреб ботинками пол. Второй, бешено матерясь по-русски, лупил из «калашников» по голому дверному проему. Короткой очередью Тарасов оборвал поток русского мата с кавказским акцентом и, метнув в темноту еще одну гранату, нырнул следом в клубящееся облако цементной крошки. Снаружи активнее заработали «калашниковы» мотострелков. Застучал крупнокалиберный.

Начертив автоматным стволом в воздухе восьмерку, Артем перепрыгнул пролом в полотне лестницы и припал к окну. Еще один боевик, подбитый пулеметной очередью, сползал по стене, дергая на себя застрявший в щели автомат. Второй улепetyвал в сторону реки. Тарасов вскинул ствол и послал вдогонку пулю. Коротко взмахнув руками, боевик рухнул, отпечатав фас на раскисшей больной земле. А мотострелки, переключаясь, уже прочесывали разрушенный дом и ближайшие окрестности...

Вскоре Артем получил четвертую звездочку на погоны и устный выговор от командира родной «Гаммы» – тот майор все-таки пожаловался на фамильярного спецназовца.

...Так, мелкий эпизод. Покой нам только снится... А еще снятся военные сны, от которых никакая водка не спасает. Смотри – это как кино из чужой жизни, Артем...

«Был батальон, и жизнь была, – думал кто-то за Тарасова. – А тогда ночевал у приятеля, как студент какой-нибудь или лимита рязанская...»

Тогда, помнится, дружок Пашка не оставил его ночевать у себя. «Жду бабу», – пояснил. Тот самый прапор-водица отвез подвыпившего Артема за три квартала и поселил на квартире Пашкиного знакомого. Знакомый то был или знакомая (очень уж явно пахло в уютной однокомнатной сладкой парфюмерией и сиротливый чулок-паутинка нахально глядел с журнального столика), Тарасова не интересовало. На плечи налегла усталость, как после двадцатикилометрового марш-броска, глаза мигом слиплись. Раздевание свелось к тому, что Артем бросил в угол куртку и брюки, а сам свалился на мягкий диван и, едва успев накрыться пледом колониальной расцветки, уснул...

...а ведь сволочью все-таки оказался тот майор-комбат – настучал тогда в особый отдел, настучал-таки, гад ползучий...

– Эй, собака, вставай! Жри!..

В грязь шлепнулся бурый кусок лепешки. Рядом упала, покотившись, пластиковая бутылка с водой. Грохнуло над головой.

Артем поднял голову и застонал: ребра сломаны, что ли? Метрах в трех над ним светился решетчатый люк. Вокруг царил бархатный полумрак подвала. Пахло кисло. В углу, затканые паутиной, валялись глиняные черепки. Здесь, на дне ловчей ямы, похоже, давно не бывало пленников. Не тот улов, что раньше...

Веревка въелась в запястья. Ноги босые, грязные. Из комбеза ремень вытащили. И раскалывающая голову боль.

Тарасов пошевелился. Нет, похоже, ребра все-таки целы, но болит чертовски. После такого попадания грудь превращается в один сплошной багровый синяк. Спасибо, броник выручил.

Как это вышло-то?

Времени на раздумья не было: мелькнули, застыли солнце, фигуры над люком, наверху завопили, отвалили решетку. С шелестом упала веревочная лестница.

– Наверх, собака! – гортанно приказали.

Артем сел, потом, покачнувшись, встал на ноги. Сверху молча следили. Веревки удалось чуть ослабить. Кое-как цепляясь связанными руками, он вскарабкался к люку. Подхватили за шиворот, втащили, толкнули на землю.

Тарасов, шурясь, поднял голову.

Узкий дворик, осененный пышными кронами деревьев. Ухмыляющиеся боевики в камуфляже с автоматами наперевес. И их главный – вот он стоит, картинно отставив ногу в начищенном до блеска армейском ботинке.

Умар. Артем знал по фотографиям этот тяжелый взгляд темных нависших глаз, этот шрам на лбу и вечный черный берет с серебристым значком в виде лежащего насторожившегося волка.

– Ты кто? – спросил полевой командир глуховатым голосом, нависая над пленным.

– Лейтенант Тихованов, рязанский ОМОН, – поспешно ответил Артем и добавил: – Командир взвода...

Сыграть роль мелкой ментовской сошки ему все же не удалось – не того калибра враг стоял перед капитаном Тарасовым. Умар сверлил пленного своим волчьим взглядом, ловил малейшее движение на грязном небритом лице Тарасова.

– Не верю тебе, – проговорил Умар. – Ты седой уже – какой ты лейтенант?.. Ты много моих людей убил. Я видел тех вояк, что с тобой были, – нет, они не из ОМОНа. Я ОМОН легко бил и бить буду, а ты... Ну, говори правду: кто ты?

– Повторяю... – повысил голос Артем, и тут тяжелый ботинок полевого с размаху въехал ему в лицо.

– Не кричи так, – попросил Умар.

Еще один чич подошел, потоптался и заговорил по-чеченски. Утирая связанными руками разбитый рот, Тарасов слушал его быструю речь. Из половины понятых слов Артем сложил такой монолог: «Знаешь, Умар, я почему-то давешнюю бойню под Ростовом вспомнил. Так, понятно, не бывает, но то, что водила тогда рассказал, помнишь? Виски седые, стройный, быстрый...» Умар негромко ответил: «Мы все про него узнаем, Хамид, имей терпение! Правда, я пока не придумал, что с ним делать. Если он из ФСБ, то умеет, грязная собака, себя в руках держать...»

– Ты хочешь смерти? – брезгливо спросил Умар уже по-русски. – Или за тебя выкуп дадут?

– Может, и дадут. Ты спроси, кого знаешь, – прохрипел в ответ Артем.

«Ничего вы про Ростов не узнаете», – спокойно подумал Тарасов. Его почему-то не удивляла таинственная связь между его неудавшимся отпуском и нынешним пленом. Он убил людей Умара, и теперь злой рок привел его прямо в зубы чеченскому волку. По большому счету, Артема сейчас не интересовала собственная перечеркнутая судьба. Нужно было только собраться, чтобы вытерпеть адские муки, на которые были тороваты полевые командиры, и в нужный момент отпустить себя на волю – выпустить душу из изувеченного тела. Просто выпустить, не цепляясь за кровавые ошметки жизни. Или чудом вырваться из этого пекла, чтобы потом всем чертям тошно стало...

– Сколько ты стоишь, ОМОН? – насмешливо спросил полевой.

Тарасов сплюнул тягучую розовую слюну и решил молчать.

– Вот твой телефон, позвони, только быстро. – На землю упал прибор спецсвязи. – Скажи, что попал в плен.

Не веря своим глазам, Артем осторожно взял бывший когда-то серебристым «самсунг», зажег дисплей, набрал код, пробежал пальцами по клавишам. «Контужен. Попал в плен в квадрате 35–10. Подозреваю подставу. Блокирую связь...»

– Дай-ка гляну, что ты написал! – протянулась к Тарасову требовательная рука Хамида.

Тарасов быстро нажал зеленую клавишу и, выждав долю секунды, отшвырнул телефон в сторону, на камни, – только осколки брызнули.

– А-ах! – взвыл от ярости Умар и с размаху ударил ботинком в лицо Артема. – Хамид, обратно в яму его!

«Будет, по крайней мере, время подумать и подготовиться соответственно, – мелькнула у Артема мысль. – Только бы ноги-руки не переломать...»

Его подхватили под руки, с размаху ударили грудью о край колодца и, точно куль с мукой, свалили в лаз.

Глава третья

Боевой медальон

«Газик» подбрасывало на ухабах. Земля, разъезженная гусеницами тяжелой техники немало лет тому назад, никак не могла разгладить свои морщины.

Артема везли прочь из аула, чтобы обменять или продать, – только это Тарасов понял из коротких реплик, которыми обменивались боевики. Умар бесился: требование передать узника третьей стороне исходило от человека, которому полевой командир не смел отказать.

– Даже не допросил я тебя, – скрывая за показным добродушием бешеную злобу, сказал Умар. – Повезло тебе!

– Еще свидимся, – едва шевеля разбитыми запекшимися губами, отозвался Тарасов.

Ему связали руки веревкой над пахом, завязали глаза – тряпка пахла овечьим пометом, – и, толкая в спину, вывели во двор. В уши ударил знакомый звук: разогревался мотор «газика»-«козелка».

Умар давал напутствие бойцам: судя по голосам, кроме водителя в машине собирались ехать двое.

Артем нащупал ногой ступеньку. Его подтолкнули в бок автоматным прикладом. Шлепнула дверца с другой стороны. Водитель прокашлялся и закурил: сигаретный дым резанул по глазам.

– Эй, ОМОН! – окликнул голос Умара. – Не думай, что живым от нас выйдешь! Не я, так другой с тебя живьем кожу сдерет...

«Увидимся, Умар, – думал Тарасов, стиснутый с двух сторон крепкими плечами боевиков. – Зря ты меня по лицу ударил...»

– Скоро живые будут завидовать мертвым! Так своим в Ханкале и передай! – пролаял напоследок полевой.

«Газик» вырулил на дорогу и запрыгал по ухабам. Боевики негромко переговаривались по-чеченски.

Машина пошла быстрее, хотя колдобин под колесами меньше не стало. Гула встречных автомобилей было не слышно. Они на богом забытой грунтовке.

– Закурить дайте, пацаны, – проговорил Артем хрипло.

Последовал толчок прикладом. Сидящий справа поцокал языком, закурил и пустил густую струю дыма в самый нос Тарасову. От толчков повязка чуть съехала, и Артем увидел волосатую руку чича на прикладе «АКМ», камуфляжную штанину и прерывистые лучи солнца с танцующими пылинками. Повернул голову и уставился в заднее окошко сидящий справа чич...

Пора!..

Тарасов наклонился всем корпусом вправо и, выпростав локоть, нанес сидящему слева боевику сокрушительный удар снизу вверх под челюсть. Чич справа получил болезненный удар ребром стопы в коленную чашечку. Теперь все решали доли секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.